

REPRISE DES AFFAIRES*

1

Париж

Париж вступает во вторую зиму войны. Она обещает быть еще серее, бесприютнее и грустнее, чем первая.

Париж жметя от дороговизны припасов.

Париж мерзнет от недостатка угля.

Раньше были уверенности или надежды на скорое окончание войны; теперь все темно, неопределенно, невыявлено в будущем.

Но за летние месяцы в строе жизни произошла и какая-то перемена к лучшему.

К лучшему ли?

Образовалась привычка к войне.

Жизнь приспособилась к новым условиям.

Нельзя два года подряд цепенеть в одной и той же позе мужественной скорби и патетического траура.

Год тому назад Париж был парализован.

Смертельная опасность, надвинувшаяся и потом отхлынувшая, оставила его обезлюдевшим, обескровленным.

Это обморочное состояние заменилось в середине зимы сдержанной решимостью.

Париж застыл в патетическом порыве национальной скорби.

Так могло длиться несколько месяцев, но не год, не два.

И теперь, несмотря на то, что жизнь еще более стеснилась и прошел первый энтузиазм «родины в опасности», жизнь начала пробиваться повсюду, приспособляясь к новому строю вещей.

Война стала принимать характер бытового явления.

Под каменной маской скорби дрогнуло живое лицо; побелевшие губы стали криво улыбаться.

* Возобновление дел (фр.).

Пробудились интерес и вкус к тем отвергнутым мелочам жизни, которые раньше казались главным ее содержанием.

Появились моды.

Прошлой зимой не было мод.

По молчаливому соглашению дамы донашивали платья минувшего сезона.

Правда, часто костюм сестры милосердия приобретал характер кокетливого «travesti», на улицах мелькали бельгийские «bonnets de police»*, и дамские пальто иногда подражали солдатским «capotes»**,¹ а маленькие уличные блудницы ходили в глубоком трауре.

Такова была мода.

Но этой зимой явились настоящие дамские моды.

Даже больше: они сделали небывало-резкий скачок.

От узких, обтянутых платьев позапрошлого сезона они перешли сразу к очень коротким и очень широким юбкам.²

Эта революция имеет свою историю: конвент модных закройщиков, решающий ежегодно план движения мод на следующий сезон, боясь, что наступающей зимою дамы будут продолжать туалетный пост и перешивать старые платья, что грозило им полным разорением, решили сделать перекройку прошлогодних туалетов невозможной, и в то же время создать такую форму платьев, при которой туалеты предшествующих сезонов казались бы нестерпимо устарелыми.

Этой формой была «юбка-колокол».

Широта же ее объясняется тем, что для фабрикантов сукна было необходимо вызвать движение товаров.

Таким образом, эта мода, появление которой кажется сейчас необъяснимым и парадоксальным, вызвана и обусловлена всецело условиями и обстоятельствами войны.

2

Не меньшее значение, чем моды, в мирном обиходе Парижа играют уголовные процессы.

* «Полицейские шапки» (фр.).

** «Плащам с капюшоном» (фр.).

Добрый парижанин требует, чтобы ему каждое утро на свежем газетном листе было сервировано несколько острых и пряных блюд: таинственных ограблений, загадочных убийств, драм ревности и скандальных разоблачений.

Война все это вымела из жизни и из газетного листа.

Все парижские апаши — обычные протагонисты этих спектаклей — были посланы на фронт и стали из преступников героями, найдя естественный выход своему романтическому темпераменту.

Напрасно четырнадцати- и пятнадцатилетние мальчишки, аспирирующие в апаши, старались поддержать честь корпорации, пытаясь не то ограбить, не то зарезать из ревности какую-нибудь дебелую кабатчицу сверхбальзаковского возраста — их начинания не имели успеха ни у журналистов, ни у публики.

Потребность патетического, неугасимо живущая в душе парижских лавочников и привратниц, с избытком удовлетворялась «германскими зверствами», военными сообщениями и травлей «embusqués».*

Добровольная слезка за уклоняющимися от солдатчины дошла до размеров примечательных.

Военные депо получали до пятисот анонимных доносов в день.

Со времен Великой революции Франция не переживала такого энтузиазма шпиономании. Теперь везде на стенах красуются правительственные напоминания: «Tenez-vous! Méfiez-vous!»**

Немецких агентов видят все и всюду, кроме тех мест, где они есть в действительности, конечно.

Признаки немецких шпионов определяются, разумеется, весьма простодушно.

Достаточно известной странности в costume, достаточно сделать на улице заметку в своей записной книжке, чтобы добровольные соглядатаи поспешили предупредить полицию.

* «окопавшихся в тылу» (фр.).

** «Держитесь! Остерегайтесь!» (фр.).

Уголовные дела прошлой зимой носили исключительно военный характер.

Офицер убивал свою жену, потому что она своею любовью удерживала его от ухода в действующую армию.

Его судили и оправдывали.

Вкус к скандалу был удовлетворен процессом интенданта Декло и madame Бешоф,³ тем болес, что на заднем плане виднелась прикрытая флером фигура фатального министра Кайо.⁴

Но все это непосредственно касалось войны.

Эта же зима начинается «reprise des affaires» даже в области уголовной.

Пока еще анонимное дело об изнасиловании и убийстве молодой девушки из богатой буржуазной семьи в Клермон-Ферран ее родным братом при соучастии матери явно начинает интересовать читателей газет, несмотря на всю остроту балканских событий.⁵

Словом, бульварные газеты принимают свой обычный размер, тон и характер.

3

Три дня в начале ноября, в то время, как парижане ходили на кладбище Père Lachaise чтить «Всех Мертвых», был открыт салон Хризантем.

Жалкий, скудный, тесный.

Прежде это бывал оксан цветов, напоминавший о теннисоновом «Странствии Мальдуна»...⁶

Теперь это был хороший цветочный магазин — не больше.

Но все же самый нарядный из парижских осенних обрядов был исполнен.

Темнота на улицах стала делом, давно привычным, и она менее бросается в глаза, потому что кафе открыты до половины одиннадцатого — на полтора часа дольше, чем прошлой зимой.

Метро ходит во всех направлениях до полуночи.

Явилась возможность притушенной ночной жизни.

Театры тоже не могли выдержать своей насильственной летаргии больше года.⁷

Сейчас почти во всех театрах идут спектакли.

Репертуар, правда, почти не обновляется, если не считать нескольких новых «обзрений», но все же театры открыты.

Руше, который со времени своего вступления в директорство⁸ еще ни разу не открывал дверей «Большой оперы»,⁹ обещает в этом сезоне ряд концертов.¹⁰

Саша Гитри дает в «Пале-Рояле» блестящее «обозрение», достойное лучших дней Парижа, с «marraine»* — Мюсидорой...¹¹

Но парижане, настоящие французские парижане, еще не ходят в театр. Театральная публика — это офицеры, солдаты-пермиссионеры,¹² иностранцы.

Парижане позволяют себе посещать только синематографы, потому что там даются всегда фильмы с фронта и слезно-патриотические драмы.

Война способствовала процветанию «синема», которые до этого никогда не были здесь в большом фаворе.

А теперь многие из бульварных театров переделали свои залы под «синема».

В большинстве из них нет обычного круженья репертуара — они дают один спектакль в вечер и стараются походить на театр.

Так мало-помалу Париж вновь налаживает свою обычную бульварную, уличную, ночную жизнь.

С первого взгляда может показаться, что он перестал жить войной.

Но это неверно.

Его истинная, напряженная, патетическая жизнь идет с прежней напряженностью в домах «увруарах»,¹³ госпиталях.

Но она все меньше и меньше выносится на улицу.

* «крестной матерью» (фр)